

Юлия Климова

Бешеные страсти

Анастасия Ланье

Юлия Климова
Бешеные страсти

«Юлия Климова»

2013

Климова Ю. В.

Бешеные страсти / Ю. В. Климова — «Юлия Климова»,
2013 — (Анастасия Ланье)

ISBN 978-5-699-62611-3

Если девушка очень богата, то, будь хоть Средние века, хоть нынешнее время, замуж ей по любви не выйти! Судьба определится точным расчетом и сговором родственников, и даже самая бешеная страсть тут не оправдание... Анастасия Ланье – деревенская девчонка, неожиданно оказавшаяся наследницей огромного состояния, – испытала это на собственной шкуре. Потому что посмела влюбиться «не в того парня». Так что ей нужно быть весьма осторожной, иначе... золотая карета любви очень скоро превратится в тыкву!

ISBN 978-5-699-62611-3

© Климова Ю. В., 2013

© Юлия Климова, 2013

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая,	10
Глава третья	16
Глава четвертая	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Юлия Климова

Бешеные страсти

Глава первая

Обычный день в доме Ланье

«Он целовал меня, и я отвечала... Он целовал, и я отвечала...» – эта мысль проводила меня до двери, заставила оглянуться на Тима три раза, отозвалась щекоткой в животе, повела по ступенькам вверх и, как только я улеглась на кровать, залезла под подушку. До утра оставалось несколько часов, я сомневалась, что засну, но в тот момент хотелось неподвижно лежать и блаженно улыбаться. Я просто не смогла бы сидеть или ходить – тело немело, мышцы превращались в тряпочки, а из груди вырывались счастливые вздохи. Бывает ли лучше? Вряд ли.

– Он целовал меня, и я отвечала... – прошептала я, глядя на потолок.

Наши отношения начались недавно или, может, правильнее сказать – они начались сегодня. Ночь. Дом Ланье спит. А я наконец-то чувствую себя счастливой. Скорей бы наступило утро, пусть комната наполнится солнечным светом и придет время встать, одеться и отправиться завтракать. Я шагну на мягкий ковер, спущусь по лестнице на первый этаж и сверну в столовую, где меня будут ждать Эдита Павловна – моя грозная бабушка – и Нина Филипповна – моя добрая тетя. На столе, покрытом белой скатертью, будут стоять белые тарелки, белые чашки с блюдцами и широкие прозрачные стаканы для воды, будут лежать ножи, вилки и льняные салфетки. Внесут рисовый пудинг, блинчики с яблоками и корицей, нежные рулетики с курицей или омлет с грибами... Но я знаю, аппетит не шелохнется в животе, не издаст настойчивого кашля и не толкнет меня в бок. Если я и потянусь к одному из блюд, то лишь для того, чтобы не поймать вопросительный и строгий взгляд бабушки – Эдита Павловна не любит, когда я нарушаю установленные порядки и улетаю в облака (там я могу позволить себе слишком много запретного...). Но этим утром я вряд ли съем что-нибудь. Теперь, наверное, я буду думать о Тиме двадцать четыре часа в сутки. «Маленькая моя Ланье» – вот как он меня называл. О, Эдита Павловна не поверила бы собственным ушам, если б услышала это, и, конечно, она приняла бы меры... На земле стало бы на два человека меньше, а на ближайшем кладбище – на два холмика больше... И все потому, что Тим – бабушкин служащий (шофер и заодно помощник по многим хозяйственным вопросам), а я – «белая кость», одна из наследниц богатства Ланье. Такие маленькие несовпадения Эдита Павловна, мягко говоря, не одобряет. *«Нашей семье принадлежит весь ювелирный мир. Принадлежит вместе с потрохами, прошлым, настоящим и будущим»* – слова Кору (еще одной моей тети, увы, не такой доброй, как Нина Филипповна). Иногда эти фразы всплывают в памяти, и дышать становится тяжелее.

Раньше у нас с Тимом были приятельские отношения, он приезжал в частную школу, где я училась, и привозил гостинцы от Эдиты Павловны. Мы гуляли, болтали ни о чем и расставались без каких-либо охов и вздохов. Я и не догадывалась, что нравлюсь ему, а в моем сердце тогда жили чувства совсем к другому человеку... Так случается иногда. А может, и часто.

Успешно окончив школу, я вернулась в дом Ланье. Чужой мне по сути, потому что детство я провела в деревне (после гибели родителей меня практически изгнали из семьи, а потом вернули обратно¹). Бабушка всегда контролировала и планировала мою жизнь, но я росла, и мой характер медленно, но верно претерпевал изменения. Тим был рядом, и часто всего несколько его слов успокаивали меня, перечеркивали отчаяние и заставляли смотреть на боль-

¹ Об этом можно прочесть в романе Ю. Климовой «Счастье на тонких ножках». М.: Эксмо, 2011.

шие и маленькие катастрофы легко. Из тощего богомола я превращалась в девушку. В девушку, способную наломать немало дров...

«Ты мне очень нравишься», – однажды сказал Тим, и с тех пор наши судьбы стали сближаться. Я неожиданно поняла, что скучаю по нему. Память все время предлагала кусочки наших встреч, и они плыли передо мной, точно лебеди... О, какие картины рисовало мое воспаленное воображение, как стучало сердце и как медленно тянулись дни! Холодный дом бабушки не мог поделиться и каплей тепла, зато взгляд Тима согревал и дарил надежду...

* * *

Как я и предполагала, к завтраку спустились не все. За столом сидели я, бабушка и Нина Филипповна. Моя вторая тетя, Кора, дядя Семен Германович Чердынцев и двоюродная сестра Валерия отсыпались после торжества, устроенного рекламной компанией «Браво-Бис». Утомленные всеобщим весельем, впечатлениями, дорогими винами, закусками, десертами и танцами, они вернулись лишь под утро и теперь наверняка видели красочные сны. Мне почему-то казалось, что эти сны должны быть нервными, с постоянно сменяющимися кадрами.

– Я рада, что мы уехали раньше, – произнесла Эдита Павловна, посмотрев на пустующее место Кору. – У нас день начался должным образом.

Мы с Ниной Филипповной обменялись быстрыми взглядами и вернули внимание пудингу. Но я потеряла аппетит из-за Тима, а она – из-за Льва Александровича Бриля, нашего семейного врача. Так что есть у нас получалось плохо, зато мы достигли совершенства в построении холмиков из риса и брокколи. То построим, то разрушим, то построим, то разрушим, и так до бесконечности.

– Сегодня всем лучше немного отдохнуть, – тихо произнесла Нина Филипповна и положила вилку на тарелку. – Мама, возможно, вечером я прогуляюсь... – Она замолчала, выпрямила спину и коротко вздохнула. Смятение и смущение моей тети были очевидны, но Эдита Павловна, погруженная в свои мысли, не обратила на них внимания.

– Да, сегодня никаких дел, – твердо объявила бабушка и посмотрела на часы. – А завтра все вернется на круги своя. Завтра, Анастасия, мы едем на аукцион. – Она царственно повернула голову в мою сторону. – Надеюсь, ты не откажешься меня сопровождать?

Это был тонкий намек на мою непокладистость, которая в последнее время слишком часто давала о себе знать. Как-то так получалось, что по некоторым вопросам я позволяла себе сказать «нет», и главное – оставалась после этого жива...

– Я поеду, – ответила я и вдобавок кивнула.

«Жаль, что на аукцион нас повезет не Тим, а то два часа счастья были бы мне обеспечены, – мечтательно подумала я, взяла чашку и сделала быстрый глоток. – А если бы мы еще застряли в дорожной пробке...»

– Чему ты улыбаешься? – чуть приподняв брови, с холодным удивлением поинтересовалась Эдита Павловна.

– Просто так, – сказала я и на всякий случай спрятала улыбку. «Мои чувства к Тиму должны оставаться тайной, теперь нужно хорошенько следить за своими словами и поступками».

Я была готова абсолютно на все, лишь бы бабушка ни о чем не догадалась... А скучать мне предстояло как минимум до среды – Тим уже несколько дней жил в загородном доме Эдиты Павловны и приглядывал за рабочими, которые приводили в порядок трубы. Ночью он приехал ко мне сюрпризом, неожиданно, от чего наша встреча получилась... м-м... особенной и волнительной.

– Просто так никто никогда не улыбается. И все же я выбита из колеи, – скорее себе, чем нам, тихо и недовольно сказала Эдита Павловна, посмотрев сначала на пустующее место

Коры, а затем на стул Семена Германовича. Несмотря на наше позднее возвращение домой, на ее лице не было усталости, впрочем, бабушка никогда не выглядела плохо. Пышно уложенные седые волосы короновали голову, морщины привычно подчеркивали аристократизм внешности, тяжелые дорожные украшения (каждое – гордость Ювелирного Дома Ланье) надменно и сдержанно сверкали то янтарно-желтым, то густо-зеленым светом. – Что-то не так... – произнесла она уже еле слышно. – Что-то не так...

Отсутствие Кору, Семена Германовича и Валерии не могло задеть бабушку (мы не всегда завтракали в полном составе), наверное, ее интуиция беспокойно ерзала и настойчиво нашептывала: «Будь внимательна, возможно, кто-то из Ланье пошел по кривой дорожке...» Но по кривым дорожкам мы с Ниной Филипповной пошли вместе, правда, моя была куда кривее...

– Очень вкусно, – произнесла я и, запихнув в рот хлеб с сыром, усиленно принялась жевать. Инстинктивно мне захотелось сменить тему разговора – предательский страх вспыхнул в груди и погас.

– Надеюсь, Валерия вчера выпила не слишком много шампанского. Кора недостаточно строга с ней, а между тем у девчонки в голове сплошные развлечения. – Бабушка поджала губы и чуть нахмурилась.

Мы с Ниной Филипповной дружно и бесшумно выдохнули – подозрение пало на мою двоюродную сестру, и наши персоны остались в тени ее предыдущих подвигов. Я почувствовала, как губы вновь растягиваются в улыбку, и сунула в рот еще кусочек хлеба с сыром (на этот раз с аппетитом). «Возможно, вечером я немного прогуляюсь...» – прозвенели в голове слова Нины Филипповны, и я на миг замерла. Неужели тетя уже сегодня встречается с Брилем? Хотя почему мне это кажется странным? И разве не об этом я мечтала? О, именно об этом! Да я сделала все, что могла, ради того, чтобы на вечере «Браво-Бис» они потанцевали. Казалось, всего одно круженье, один взгляд – и ситуация изменится в лучшую сторону, пропасть, разделяющая их многие годы, закроет свою бездонную пасть и превратится в аккуратную лужайку с ромашками и лютиками... Мое воображение мгновенно принялось строить сказочные замки из подручных средств.

Льва Александровича Бриля тетя полюбила давно, но тогда он не был столь обеспеченным человеком, и это оказалось настоящей преградой. Для Нины Филипповны деньги не имели никакого значения, но Эдита Павловна такого зятя не смогла бы принять ни за что. В доме Ланье браки совершаются исключительно в кабинете бабушки, теперь-то я это знаю. Бедная моя тетя... Она и сейчас не умеет говорить «нет», а уж тогда... «Мама потребовала закончить наши отношения, и я послушалась... Лев исчез, через какое-то время женился, мне рассказывали об этом, потом развелся, а затем вернулся в мою жизнь в качестве врача семьи. Он пытался сблизиться со мной... Я не могу. Мне бесконечно стыдно, я недостойна...» Лев Александрович Бриль. Высокий, здоровущий, громоподобный, добрый и ироничный. Лера считает его страшным, но какая же это глупость! Он как крепость, которую невозможно разрушить, как стена, которая закрывает от всего плохого. И он долгие годы любил мою тетю...

Кажется, медленный танец на вечере «Браво-Бис» кое-что изменил, приятно осознавать, что это случилось не без моей помощи². Покосившись на бабушку, я машинально заправила прядь соломенных волос за ухо. Да, теперь Бриль богат, его клиенты – «сливки общества», у него своя клиника, но Эдита Павловна все равно благословения не даст. Более того – разозлится. Стены содрогнутся от ее гнева. И раз, и два, и три! И дело вовсе не в характере Бриля (уж он не из тех, кто станет лстить Ланье), а в том, что Нина Филипповна отвечает в нашем доме практически за все да к тому же является секретарем Эдиты Павловны. Тете просто непозволительно любить и быть любимой, никто от нее этого не ждет и никто (кроме меня)

² Об этом можно прочесть в романе Ю. Климовой «Действуй, Принцесса!». М.: Эксмо, 2011.

этому не обрадуется. Ее место в жизни определено, и даже незначительные перемены недопустимы.

Но моя дорожка все равно кривее. «Он целовал, и я отвечала...» Я сдержала еще одну улыбку, выпрямила спину и услышала сухое бабушкино: «Завтрак окончен». Если Нина Филипповна сегодня встретится с Брилем, я это обязательно угадаю по счастливому блеску ее глаз. И, наверное, не сдержавшись, задам тете хотя бы один маленький вопрос...

* * *

– Ты свалила дурака, не нужно было уезжать так рано. Глупо, просто глупо! – Лера окатила меня презрительным взглядом, усмехнулась, прошла к окну и резко развернулась. – Самое веселье обычно происходит ночью, но откуда тебе знать об этом. Я танцевала с Павлом, Матвеевым и Шелаевым. Отличный наборчик, не правда ли?

– Я рада за тебя, – ответила я спокойно, не двигаясь с места.

Лера стремилась уязвить меня, разозлить, возможно, даже вызвать приступ ревности, но среди перечисленных мужчин не было Тима, а значит, этот едкий выпад не мог задеть или расстроить. Так я думала, однако смесь всевозможных чувств взволновала сердце. Я попыталась угадать, кто именно из перечисленных мужчин стал тому виной...

– Ничего ты не рада, – фыркнула Валерия, перебивая ход моих мыслей. Довольная собой, она забралась на подоконник. – За Павла я выйду замуж, вот увидишь. Ну же, признайся, что это тебе жутко неприятно. За ним столько девчонок бегают, но я – Ланье, и к тому же точно знаю, чего хочу получить в этой жизни. – На губах Леры заиграла победная улыбка, карие глаза вспыхнули, как у злой колдуньи.

Похоже, моя двоюродная сестра полагает, что у нее будет несколько жизней... Я бы не удивилась, узнав, что три из них она уже спланировала следующим образом: первую проведет с Павлом Акимовым, вторую с Максимом Матвеевым, а третью – с Климом Шелаевым.

Очередная стрела Валерии пролетела мимо. Да, когда-то я была по уши влюблена в Павла, но теперь эта страница жизни перевернута, а чувства забыты.

– Ты вправе выйти замуж за кого угодно. – Я пожала плечом, демонстрируя равнодушие. – И в этом я не вижу ничего неприятного для себя.

– Он так прижимал меня к себе во время танца... – не унималась Лера. – И что-то шептал... Черт, я ничего не разобрала! Но это неважно! Конечно, он говорил о том, как сильно меня хочет. – Она уверенно кивнула. – Матвеев тоже хорош, но с ним не подурочишься. А Шелаев... О, мама дорогая! – Валерия многозначительно возвела глаза к потолку. – Он много выпил и такую румбу станцевал с солисткой, что все аплодировали чуть ли не полчаса! Она пела на сцене, а он подошел, протянул руку и пригласил... Расфуфыренные дамочки были в восторге, и, конечно, каждая мечтала о том, чтобы он отчебучил такое и с ней. Но с Климом потом танцевала я!

В этот момент я поняла, что Валерия бессовестно и вдохновенно врет – Шелаев ее не приглашал.

Мысленно я вернулась на вечер «Браво-Бис» и окунулась в атмосферу торжества и веселья. Наверное, после нашего отъезда было уже куда меньше официальности – шампанское искрилось в бокалах, официанты предлагали всевозможные спиртные напитки, музыка становилась все быстрее и громче. Я практически увидела Клима Шелаева, приближающегося к сцене неторопливо, с достоинством демона. Наверное, когда он нетрезв... м-м-м... это вообще страшно. Он оценивающе и нагло смотрит на солистку, затем протягивает руку и произносит слова приглашения... «Мне нет до этого никакого дела», – одернула я себя, возвращаясь в огромный зал дома Ланье.

– Ну, а ты чем тут занималась? – приподняв ровные черные брови, насмешливо поинтересовалась Лера.

«А я здесь с Тимом целовалась», – чуть не ответила я с детской вредностью. Вероятно, мои зеленые глаза тоже вспыхнули, потому что на лице Валерии обозначились напряжение и подозрительность. Она всегда ожидает от меня какого-то подвоха, хотя я никогда ничего специально не делала и даже старалась поменьше с ней пересекаться.

– Завтракали, – емко и весомо выдала я и, поразмышляв пару секунд, а не перечислить ли меню и не начать ли с риса и брокколи, счастливо вздохнула.

Лера молча смотрела на меня, а я на нее. Я чувствовала, как цепкие щупальца ее любопытства пытаются пробраться в мой мозг, чтобы вытянуть из него как можно больше информации, но все замочки были закрыты, двери захлопнуты, окошки опечатаны.

– Ну и завтракайте. – Лера соскочила с подоконника и одернула короткую юбку. – А я решила похудеть на три килограмма. Мне вообще хочется начать новую жизнь. – Она махнула рукой. – Бабушка в чем-то права: нужно быть поумнее.

Лера миновала лестницу и, довольная собой, виляя бедрами, направилась к столовой, а я стала подниматься по ступенькам на второй этаж. «Нужно быть поумнее». Неужели моя двоюродная сестра только что признала свое несовершенство? И что вообще значит ее фраза? Пожалуй, мне не следует слишком долго думать об этом – я очень рискую сойти с ума...

На втором этаже я сразу услышала резкий и скрипучий голос Семена Германовича. Дядя явно кого-то ругал, и по тону (то возвышающемуся, то затухающему) было ясно, что он пытается сдержать гнев, но это у него не очень-то получается. Неведомая сила потянула меня вперед – к приоткрытой двери кабинета Семена Германовича...

«Подслушивать нехорошо, – отругала я себя и сделала еще два маленьких шага. – Но он же кричит, а я иду мимо...»

Кажется, кто-то из великих говорил: «Только глупец не сможет найти себе оправдания». Что ж, я быстро справилась с этой задачей, решив хорошенько отругать себя позже.

– ... где браслет, который я подарил тебе на прошлый день рождения? У меня хорошая память, я не из тех мужчин, которые не разбираются в ваших дурацких побрякушках!.. Хотя какие же они дурацкие, если стоят целое состояние!.. А серьги?.. Помнишь серьги? Они висели до плеч... До твоих бесстыжих плеч!

– Мой дорогой, бесстыжих плеч не бывает, – отвечала Кора легко, будто ссора случилась из-за ерунды, но все же в ее голосе прозвенели нотки волнения.

– Уж поверь, у тебя все бесстыжее, – последние слова Семен Германович произнес с нажимом.

– Но разве ты меня не за это любишь, дорогой?

– Перестань ломаться! Я хочу видеть те украшения, которые подарил... И те, что мы покупали вместе, тоже...

Развернувшись, я отправилась в свою комнату. Если бы дядя не был столь противным тараканом, я бы ему посочувствовала, но эта сцена не тронула мою душу. «Наверное, у Кору есть какое-то объяснение, и она его предъявит мужу. Тетя слишком любит драгоценности, чтобы с ними расстаться, может, Кора их под подушку сунула... Кладу же я под подушку письмо Тима и малахит, который он привез мне с Кавказа...»

Подобное сравнение здорово развеселило, я зашла в свою комнату, взяла мобильный телефон и села на кровать. Если люди поцеловались... то важно, кто позвонит первый? Ну-у-у, после этого... Потратив минуту на раздумья, я все же решила потерпеть и дожждаться звонка Тима. Мне просто не хватило мужества набрать его номер.

Глава вторая, *в которой я утоляю любопытство и нервничаю*

– Привет, Ланье, – его голос был немного ироничен и в то же время мягок. Я закрыла глаза от удовольствия и счастливо вздохнула.

– Привет...

– Выспалась? – спросил Тим. – Я не звонил, боялся тебя разбудить. Ты же легла поздно.

– Ты что! Какой сон! – Я засмеялась и бухнулась на подушку. – Я даже присутствовала на завтраке и мужественно ела брокколи.

– Сколько съела? – поинтересовался Тим.

– Так себе... маловато... У меня совершенно не было аппетита, потому что я... думала о тебе.

Вроде все уже ясно – мы целовались, но слова застревали в горле, будто я все восемнадцать лет молчала и только сейчас начала учиться говорить. Одной рукой я крепко сжимала мобильник, другой – мучила край пледа. Взгляд скакал то вверх, то вниз, то вправо, то влево. Я вспоминала, как Тим обнимал меня, как гладил, как смотрел... Наша ночная встреча длилась не так уж и долго, но мысленно я ее растянула на целый час... Теперь я понимала, почему Нина Филипповна вела дневник... Просто нереально держать этот водоворот чувств в себе, так и взорваться можно – в один миг разлететься на маленькие кусочки.

– Я готов приехать и сегодня ночью, – предложил Тим, и у меня ухнуло в груди не то от вселенской радости, не то от смущения. – Погуляем до четырех, а потом ты вернешься домой.

– Нет... Было бы здорово, но давайждемся среды.

Конечно, я хотела так скоро увидеть Тима, прижаться к нему, почувствовать уют и тепло, однако мы не имели права рисковать – интуиция Эдиты Павловны никогда не дремала... Я старалась не думать о том, что случится, если правда всплывет на поверхность, но одно знала точно: у Тима будут крупные неприятности – в доме Ланье таких поступков не прощают...

«Спасайся кто может», – мрачно подумала я.

– Хорошо, все будет так, как ты скажешь, – пообещал Тим.

Одних этих слов хватило, чтобы улыбаться до вечера, вздыхать, смотреть на календарь в мобильном телефоне, торопить среду и мечтать. Я успокоилась, лишь когда отыскала любовный роман (уж не знаю, каким невероятным образом он оказался в бабушкиной библиотеке) и села читать. Обложка усыпана бледно-розовыми цветочками, бумага тонкая и шершавая... Мне было совершенно все равно, что сюжет предсказуем и действие то скачет, то притормаживает, то опять скачет. Герои говорили те слова, которые и я хотела произносить, и их чувства медленно, но верно двигались к...

– Ты опять читаешь? – раздался насмешливый голос Валерии, и я подняла голову. – Это правильно, чтение хорошо влияет на мозг... А я отправляюсь на вечеринку.

Лера ждала ответа, но мой взгляд скользнул левее и выше – я увидела Нину Филипповну, спускающуюся по лестнице.

– Отдохни хорошенько... – протянула я, разочаровывая двоюродную сестру.

– Я даже не буду много пить, потому что начала новую жизнь.

– Да, ты говорила.

Мне хотелось, чтобы Лера побыстрее ушла и не мешала разглядывать тетю (а от нее я с трудом отводила глаза). Нина Филипповна собиралась на свидание с Брилем – в этом не было никаких сомнений. На ее бледном лице играл легкий румянец, она щурилась, словно вдруг стала хуже видеть, каждый шаг делала слишком медленно и осторожно и покусывала губы, постоянно поправляя ремешок маленькой коричневой сумочки.

– Скоро ты покроешься паутиной, – с удовольствием произнесла Лера.

– Да, наверное, – выдала я ответ, не задумываясь ни на секунду.

Моя двоюродная сестра фыркнула и направилась к двери, а я заерзала в кресле, устраиваясь поудобнее. Теперь я знала, что не покину свой наблюдательный пост, пока Нина Филипповна не вернется. Даже если мне придется прочитать роман два раза, я не сдамся.

«Интересно, как у них все будет?.. Увижу ли я в ее глазах тот самый счастливый блеск, который замечала ранее в клинике Бриля и на вечере «Браво-Бис»? Увижу, конечно, увижу! Она так долго любила Льва Александровича, так долго прятала свои чувства...»

– Я скоро вернусь, – сказала Нина Филипповна. Поймав свое отражение в огромном искрящемся зеркале, она побледнела еще больше, румянец исчез. В эту минуту я бы ни за что не дала ей тридцать шесть лет – тетя выглядела намного моложе. Невысокая, стройная, часть каштановых волос при помощи скромной заколки собрана на затылке, из косметики – лишь блеск на губах, одежда неброская: бежевая трикотажная кофта в обтяжку, длинная прямая юбка...

Я кивнула, проглотив миллион вопросов, колючий комок любопытства и столовую ложку жгучего нетерпения. «Эдита Павловна убьет нас всех», – пронеслась огненная мысль, заставившая подпрыгнуть сердце. Но я улыбнулась и вновь открыла любовный роман.

Нина Филипповна вернулась через полтора часа – большего она не смогла себе позволить. Ее походка была быстра, глаза сияли, губы атели. Она пронеслась мимо меня и устремилась в свою комнату, точно ласточка, подружившаяся с ветром... Я представила большего, громоподобного Бриля, захлопнула книгу и тоже направилась к лестнице. Лев Александрович теперь не отпустит мою тетю. В этом можно было не сомневаться...

* * *

К аукционам Эдита Павловна относилась по-разному: иногда игнорировала приглашения, иногда раздражалась, но все же ехала, иногда была равнодушна и спокойна, а порой находилась в особом торжественном возбуждении. Поразмышляв немного над ее настроениями, я поняла, что аукцион аукциону рознь: если бабушка лишь отдавала дань вежливости, то ее душа оставалась холодна, если же речь шла о приобретении чего-либо, то в зелено-коричневых глазах сверкали остроконечные языки пламени.

Эдита Павловна заранее изучала все лоты и, когда возникал интерес к какой-то вещице или картине, просила Нину Филипповну собрать ту или иную информацию. Бабушка почти всегда покупала желаемое. Случались исключения, но причиной тому были, конечно же, не деньги. Например, понравившуюся бронзовую статуэтку Эдита Павловна уступила жене дипломата, сделав это с подчеркнутым кивком и многозначительной улыбкой. На следующий день дипломат прислал бабушке корзину с первоклассным шоколадом (так шоколад охарактеризовала Кора, она же его и съела, а Эдита Павловна лишь поджала губы и довольно усмехнулась).

Еще рано утром я поняла, что бабушка нацелена на покупку. Она проигнорировала завтрак, но очень долго пила чай с лимоном и колотым сахаром, при этом постукивая ложкой о блюдце в такт своим мыслям. Уголки ее губ то приподнимались, то опускались. Эдита Павловна будто разговаривала с кем-то и находила эту беседу весьма интересной.

К двенадцати часам бабушка надела черное платье и украсила себя тяжелым узорчатым серебром. Для меня это был явный перебор в драгоценностях, но она умела носить кольца, серьги, браслеты, кольца так, что казалось – перед тобой сама королева. Поняв, что и меня сейчас разодедут «в пух и перья», я тяжело вздохнула и ссутулилась.

– Анастасия, в моей комнате на столе ты найдешь ожерелье, надень его.

Эти слова бабушка произнесла небрежно, хотя, как я подозревала, речь шла о символе Ювелирного Дома Ланье – ожерелье с изумрудами и бриллиантами, ранее принадлежавшем Екатерине Второй. Я не ошиблась – тонкая змейка с изумрудными каплями лежала в бархатном футляре и ждала меня. Я вспомнила о маме, постояла немного и взяла ожерелье. Когда оно коснулось моей кожи, я понеслась в прошлое, но это был короткий миг – золоченые напольные часы издали протяжный скрипящий звон, и я поспешила покинуть бабушкину комнату.

Украшение обязывало, мне пришлось надеть платье в тон изумрудам и привести волосы в порядок. Осмотрев меня с головы до ног, Эдита Павловна осталась довольна. «Ланье», – удовлетворенно поставила она диагноз и направилась к двери. Торжественно выдохнув, я устремилась следом. Перевоплощаться в принцессу я уже научилась, корона на голове пока не вырастала, но плечи расправлялись сами собой, движения становились плавными и неторопливыми.

Через несколько шагов я заметила, что мы с бабушкой идем в ногу, притормозив, я нарочно сбилась с ритма.

– Хочу купить картину, – донесся до меня голос Эдиты Павловны. – Тафт – мастер городского пейзажа, в его «Коричневом Париже» что-то есть...

Я понадеялась, что лот будет представлен в начале аукциона и мне не придется умирать от скуки более получаса. Вспомнились торги, на которых разразилась настоящая битва за право обладания маленькой фарфоровой чашкой с блюдцем, и я улыбнулась. Это сокровище когда-то пылилось в столовой знатного английского графа. Эдита Павловна на тех торгах была холодна и равнодушна, а то бы чашка обязательно оказалась в доме Ланье...

Машина остановилась около розовато-бежевого трехэтажного особняка, лишенного каких-либо вывесок. На лице бабушки появилась тонкая многозначительная улыбка, морщины несколько разгладились – она готовилась к сражению и обязательной победе.

– Не люблю волокиты, – произнесла Эдита Павловна и добавила: – Хочу, чтобы уже сегодня «Коричневый Париж» висел в моей спальне.

Я могла лишь выразить соболезнование тем, кто рискнет встать на пути бабушки. «Люди, остановитесь, сдайтесь без боя – в вашу сторону движется тяжелая артиллерия!» Я машинально дотронулась до ожерелья и направилась к распахнутым воротам, но чем ближе подходила к тяжелым массивным дверям особняка, тем острее чувствовала непокой, объяснения которому не было. Такое случается, когда на тебя устремляется чей-то цепкий, пристальный взгляд... Я обернулась, но ничего подозрительного не заметила – кругом текла самая обыкновенная жизнь.

– Анастасия, не отставай, – бодро поторопила Эдита Павловна. – Прекрасный день! Уже давно я не чувствовала себя так хорошо.

В просторном зале царил атмосфера размеренного покоя. Мягкие широкие стулья стояли в три ряда полукругом и освещались желтыми лампами люстры. Та висела слишком низко, и я сразу представила, как стучаюсь лбом о черные кованые загогулины, издавая досадное «ой!».

Мы прошли вперед, Эдита Павловна поздоровалась со своими знакомыми, я тоже произнесла вежливое «здравствуйте», повернула голову и... встретила колкий взгляд серых глаз... Клим Шелаев сидел в первом ряду с левого края и смотрел на нас.

«Привет, Анастасия. Давно не виделись».

«Добрый день...»

Мимолетное скрещение взглядов, строчки слов в голове... Я вздрогнула, тут же отругала себя за это, нахмурилась и сжала кулаки. Раз, два, три... Почему бы не досчитать до десяти (а лучше до ста), если поблизости оказывается Клим Шелаев? «Я – Ланье», – неожиданно напомнила я себе и мысленно усмехнулась. Да, я Ланье, но в данном случае это как раз и делает меня одним из кружков черно-белой мишени (хорошо, что не центральным, почетное место занимает Эдита Павловна).

«Да, добрый день, Клим. Я не скучала».

Белая рубашка с закатанными рукавами и расстегнутыми верхними пуговицами, черные брюки, начищенные ботинки, ленивая поза хищника... Теперь мой непокой имел вполне разумное объяснение – похоже, близость этого человека я уже начинала чувствовать кожей.

Клим Шелаев – враг семьи Ланье. От него не стоит ждать ничего хорошего. Сколько дуэлей уже состоялось между нами? Могу ли я считать себя победительницей хотя бы одной? «Клим Шелаев, Клим Шелаев, Клим Шелаев», – застучало в висках, но я проигнорировала этот стук, мужественно изобразила на лице равнодушие, кивнула и, не дожидаясь ответного приветствия, отвернулась. Сейчас на мне надето ожерелье Дома Ланье, а не кольцо-цветок – «подарок» Шелаева, и я могу позволить себе куда больше уверенности, чем на вечере «Браво-Бис». Мы танцевали, мои руки и сейчас помнят, какими каменными были его плечи... «Ну, Анастасия, смелее, что у нас нынче на кону?» Голос уверенный и насмешливый, сила в руках и каждом движении. Но я теперь далеко, потому что больше никакие сделки меня с этим человеком не связывают. И не будут связывать. Никогда.

– Здесь Клим? – Эдита Павловна тоже кивнула Шелаеву. – Его редко встретишь на аукционах, хотя картины Клим любит... Или нет? Хотела бы я заглянуть в его душу хотя бы раз. – Бабушка прищурилась, покачала головой и поплыла к первому ряду стульев. – Картины, женщины, риск... Весь набор страстей. Интересно, на что нацелен интерес Клим сегодня? Если он здесь, значит, хочет что-то купить.

«Коричневый Париж» – ударила в голове молния, а затем вдобавок прогремел отдаленный гром:

– Он наверняка хочет купить картину Тафта...

Я резко повернула голову в сторону Шелаева, но он не смотрел на нас, спокойно, со сдержанной улыбкой Клим разговаривал с рядом сидящим мужчиной. Если он и собирался вступить в бой с Эдитой Павловной, нельзя было сказать, что это его беспокоило (или Шелаев не догадывался о предстоящей битве?).

«Может, он приехал купить какой-нибудь натюрморт», – нарочно предположила я, борясь с настойчивым предчувствием. Тарелка с грушами, яблоко, вазочка с цветами на втором плане... Почему бы и нет? Клим Шелаев и натюрморт... Мои губы дрогнули, и я сдержала улыбку – это все равно что представить мафиози, покупающего белого пушистого кролика.

«Но откуда бы он узнал, что Эдита Павловна мечтает заполучить «Коричневый Париж»? Это невозможно», – я дернула плечом и, прогоняя мысли прочь, принялась рассматривать зал. Тяжелые бархатные шторы, паркет, золотые вензеля...

«На предварительной выставке достаточно заметить особый интерес Эдиты Павловны к той или иной картине...»

Уютные диваны вдоль стен, столик в углу на изогнутой ножке, пейзаж ближе к двери...

«Нина Филипповна наверняка оформляла приглашения на аукцион и задавала вопросы о «Коричневом Париже», нужно было лишь получить эту информацию и сопоставить...»

В голову полезли дурацкие мысли, и мне пришлось остановить свое воображение. Разве не может человек прийти на аукцион просто так? И почему его обязательно должны интересовать городские мотивы?

– Совершенно нечем дышать, – недовольно произнесла Эдита Павловна. – Пожалуйста, найди администратора и попроси включить кондиционеры посильнее. До начала еще двадцать минут, но все же лучше приехать раньше, чем опоздать...

Мне и самой хотелось глотнуть свежего воздуха, зал уже казался тесным и душным, а все потому, что взгляд Шелаева был вновь устремлен на меня. Клим точно говорил: «Я с радостью испорчу настроение твоей бабушке, Анастасия. И уж, конечно, вдвойне обрадуюсь, если испорчу настроение тебе».

«Нет, не выйдет, – упрямо подумала я и на всякий случай добавила: – Я теперь сильная и смелая. И... у меня есть Тим».

Покинув зал, я быстро отыскала администратора и передала ему просьбу Эдиты Павловны. Но обратно меня ноги не понесли, я подошла к огромному зеркалу (от потолка до пола) и стала смотреть на свое отражение. Высокая, худая... Одна из Ланье. Я автоматически сравнила себя с Валерией и в сто первый раз не нашла между нами никакого сходства. Она похожа на Кору – свою мать, а я на свою. Изумруды ожерелья сверкнули, по полу поползла тяжелая темная тень. Она росла и крепла, пока не превратилась в Клим Шелаева...

– Анастасия, рад тебя видеть. – Он подошел совсем близко и встал за моей спиной. Я высокая, но Шелаев гораздо выше... Я не шелохнулась, не развернулась, предпочитая смотреть на отражение, а не на него самого. – Знакомое ожерелье... – Клим усмехнулся. – Старуха совершенно права, символ Дома Ланье должна носить только ты.

– Его вполне может носить и Валерия, – назло ответила я, растягивая время, собирая силы.

– Не может, – Шелаев покачал головой, и его глаза хитро блеснули. – И ты это знаешь, Анастасия.

– Может.

Мое упрямство не знало границ. «Нелепый, ненужный разговор», – приободрила я себя, готовясь с абсолютным равнодушием отойти в сторону. К чему затягивать малоприятные разговоры, все пункты вежливости выполнены и... Но Клим взял меня за локоть, наклонил голову, нагло уставившись на мою шею.

– Врагов нужно любить, разве Эдита Павловна не говорила тебе об этом?

– Мне нужно идти. – Я проигнорировала дрожь в груди.

– Как поживает Нина?

– Хорошо...

– Я видел вчера Бриля, он выглядел счастливым.

Не нужно было обладать особым умом и редкостной сообразительностью, чтобы понять, куда клонит Шелаев.

– Просто замечательно, что у Льва Александровича тоже все хорошо.

– Я когда-нибудь увижу на твоём пальце мое кольцо? – резко сменив тему, тихо спросил Клим. – Оно тебе очень подходит.

– Никогда.

– И ни за что?

– И ни за что, – ответила я уже легко, с довольной улыбкой.

– Опять твое категоричное «никогда» и не менее категоричное «ни за что». – Клим засмеялся, наши взгляды встретились в зеркале. – Вот уж не думал тебя увидеть здесь...

Он врал и не собирался скрывать этого, я чуть приподняла подбородок и пожала плечами, мол, какая разница, о чем вы думаете или не думаете, Клим. Я бы хотела ответить колко, но вместо того дежурно начала:

– Меня ждет бабушка, приятно было...

– Поболтать? – подсказал Шелаев, и его улыбка стала шире. Затем она исчезла. – Как ты относишься к Парижу? Он бывает холодный, серый, мрачный, а бывает... коричневый. Не так ли, Анастасия?

Клим обжег мою шею дыханием, однако по спине пополз холод. Мои подозрения оправдались, но не в этом было дело. «Я не должна его слушать, не должна... Он ничего не делает просто так... За каждым его словом тянется...» Я не успела додумать – Шелаев не собирался давать мне лишние секунды на своевременный побег.

– Я приехал сюда, чтобы купить картину Тафта «Коричневый Париж». Теперь ты все знаешь, дорогая Анастасия, – с удовольствием четко произнес Клим и отпустил мой локоть, который, наверное, уже распух от негодования и волнения.

– Мне это не интересно, – «равнодушно» ответила я, чувствуя, как ноги врастают в пол.

– Интересно, – поправил Клим. – А теперь еще и стало важным.

– Нет, – мотнула я головой.

– Да.

– Нет.

– Анастасия, – произнес Клим с ироничным укором.

– Я не разбираюсь в картинах.

– Сегодня я ее куплю.

– Вы не сможете.

– Полагаешь, меня победит Старуха?

Глупо было изображать удивление и спрашивать: «Каким образом вам стали известны планы Эдиты Павловны?» Он знал. Просто знал, и все.

– Да.

– Почему же?

– У нее гораздо больше денег, – честно ответила я.

– Именно потому она ее сегодня не купит. Тебе нужно чаще бывать на аукционах – это театр, где особым удовольствием является наблюдение за людьми.

– Меня ждет бабушка, – повторила я, не желая участвовать в очередной игре Шелаева.

– Подождет, – с легкостью заверил он. – Анастасия, как же я люблю, когда ты предаешь Дом Ланье. Ты делаешь это так естественно и честно, чего по сути не может быть, что каждый раз я восхищаюсь тобой.

– Вы что-то путаете, – небрежно ответила я. – Предательство – не моя стихия.

Клим вновь засмеялся и сунул левую руку в карман брюк.

– Маленькая девчонка, – мягко произнес он. – Маленькая упертая девчонка, носящая фамилию Ланье.

«Я не должна его слушать», – как заклинание повторила я, но по моим венам уже текла отрава... Клим сделал так, что теперь я точно знала: он планирует купить «Коричневый Париж». Шелаев специально дал мне понять, что сегодня по каким-то причинам картина достанется ему. «Еще секунда, и я наверняка узнаю дальнейший ход событий...»

– Я никого не собираюсь предавать, зачем вы все это говорите? – спросила я, к сожалению зная ответ.

– Теперь ты, как хорошая внучка, должна предупредить бабушку. Но ты ведь этого не сделаешь, Анастасия? Правда? – спросил он весело и добавил: – Ты не предупредишь Эдиту Павловну, потому что не на ее стороне. – На лице Клим появилась... нежность. Невозможная, невероятная нежность, которой раньше я не видела. Появилась и исчезла. – Сегодня ты на моей стороне, Анастасия.

Он подчеркнул последние слова. Подчеркнул, развернулся и пошел в зал. Теперь я уж точно не нуждалась в прохладном воздухе – мне не было душно, я чувствовала холод и... острое желание убить Клим Шелаева. Впрочем, не в первый раз!

Глава третья

Сказать или не сказать? – вот в чем вопрос...

Он совершенно не обращал на нас внимания, и через двадцать минут я стала думать: а не пригрезилась ли мне сцена около зеркала? Бывают же у людей небольшие помутнения рассудка...

Шелаев сидел, откинувшись на спинку стула, положив ногу на ногу, словно на свете никогда не существовало Тафта, а заодно и «Коричневого Парижа». Так обычно сидят в кинотеатрах или перед телевизором, когда смотрят вроде и неплохой фильм, но сюжет все же не захватывает. Ленивая, расслабленная поза, и ни одна тень не скользит по лицу.

На миг мне нестерпимо захотелось узнать, о чем думает Шелаев, и я мысленно обратилась к нему: «Посмотрите на меня, посмотрите». Клим повернулся к своему соседу и произнес несколько слов – показалось, или он все же бросил на меня короткий взгляд?

– Столько шума из-за какого-то кувшина, – недовольно протянула Эдита Павловна. – Ковальский так за него бьется, будто этот глиняный горшок отыскивали в одной из египетских пирамид.

Теперь я знала, что Клим приехал за «Парижем». Знала. В груди подрагивала злость и настойчиво кашляла совесть – кхэ, кхэ, кхэ... Сколько бы я ни старалась относиться к случившемуся с равнодушием, ничего не получалось – Шелаев, как назло, достиг своей цели. «Мне все равно, все равно, меня это совершенно не касается...» – нараспев повторяла я и продолжала лететь на дно пропасти под названием «Очередное Предательство Дома Ланье на Радость Климу Шелаеву». Каждое слово обязательно с большой буквы!

«Когда же вы оставите меня в покое, когда забудете о моем существовании? Почему вы выбрали именно меня для своих игр и мести? Ваш отец любил мою маму...» Мысль оборвалась, и я почувствовала, как горят щеки, как сильно колотится сердце.

Но разве это сложно: взять и открыть правду бабушке? Нужно всегда делать то, чего враг от тебя не ждет – так почему бы и нет? Покосившись на Эдиту Павловну, я тяжело вздохнула и стала подбирать слова-проклятья, которые при случае можно было с удовольствием обрушить на голову Клима. «Возьму и скажу. Еще минута – и сделаю это».

Но я хранила молчание.

– Что с тобой? – спросила Эдита Павловна. – Душно?

– Немного, – ответила я.

– Наконец-то Ковальский получил свой кувшин, – она усмехнулась. – Какой лот следующий? Отлично, это не займет много времени.

Желая хотя бы немного отвлечься и развеселиться, я представила себя самой богатой женщиной планеты. Вот на продажу выставляют Тафта, я поднимаю руку, объявляю: «Сто миллионов долларов!» и добавляю: «Заверните, пожалуйста, картину и отправьте ее в дом Ланье».

А дальше?.. На чьей я стороне? На своей. Именно поэтому картину покупаю я, а не бабушка или Шелаев. «Ну, а дальше?» – настойчиво твердил внутренний голос.

«Если я отдам картину Эдите Павловне, значит, встану на ее сторону...»

Зачем Тафт написал этот «Коричневый Париж»? Почему он не увлеклся желто-красными натюрмортами с яблоками, лимонами, виноградом и тыквой?! Что может быть лучше тыквы?

Я сжала губы и признала свое поражение. Все, что мне оставалось, – сидеть и ждать развязки (увы, роль явно не геройская). Но хуже всего было то, что я стала гадать, каким образом Шелаев победит Эдиту Павловну. «Он сравнил аукцион с театром... Почему?»

– Стартовая цена лота – сорок восемь тысяч, – донесся жизнерадостный голос аукциониста. – Есть ли желающие приобрести этот замечательный поднос?

– Надеюсь, что есть, – неслышно произнесла я, мысленно отодвигая битву за «Париж» еще минут на двадцать.

За последующие полчаса я узнала, что подносы не пользуются популярностью, зато столовые приборы, стулья и бюро вызывают живейший интерес. Эдита Павловна стала раздражительной и еще более нетерпеливой, я постоянно ловила себя на том, что вновь и вновь поворачиваю голову в сторону Шелаева.

Клим сохранял спокойствие. Он тоже смотрел на меня, но его взгляд ничего не выражал, лишь пару раз быстрая улыбка скользнула по лицу.

– Дорогие дамы и господа, наконец-то настал момент, когда я могу представить жемчужину сегодняшнего аукциона – картину Теодора Тафта «Коричневый Париж». – Аукционист произнес эти слова бодро, с гордостью и предвкушением общего оживления, наверное, ему самому наскучило предлагать кувшины, ложки и натюрморты. – Стартовая цена лота – два миллиона двести. Есть желающие приобрести картину?

Желающие были – я это знала, но сразу они не собирались вступать в бой.

– В такие моменты я люблю наблюдать за людьми, – тихо произнесла Эдита Павловна и прищурилась. – Они всегда очень стараются... Глупо. Напрасно.

«Какое совпадение, – проскрипел угрюмый сарказм. – Шелаев тоже любит наблюдать за людьми».

– Вы никому не уступите картину? – услышала я свой голос.

– Конечно, нет, – усмехнулась бабушка.

Я откинулась на спинку стула и коротко вздохнула – пожалуй, я не смогла бы объяснить, какие чувства металась и переплетались в моей душе. Я замерла, приготовившись к худшему...

* * *

Эдита Павловна вступила в бой, когда цена дошла до восьми миллионов. И это было знаком для всех – пора опустить руки и отдать Тафта дому Ланье, хватит сражаться, исход теперь ясен.

Дольше всех продержались плечистый мужчина в розовой рубашке и недовольная остроноса дама, сидящая неподалеку от нас. И вот, наконец, противники сдались и сложили оружие.

– Двенадцать миллионов пятьсот раз, двенадцать миллионов пятьсот два... – с удовольствием протянул аукционист, глядя на Эдиту Павловну, – двенадцать...

– Тринадцать, – спокойно произнес Клим Шелаев.

Я сжалась и превратилась в ледышку, мечтающую растаять и испариться от желтого света низких люстр. Сцепив пальцы, неожиданно ощутила запах сигарет и терпкого парфюма. С трудом перечеркнув это наваждение, я покосилась на бабушку. Лицо Эдиты Павловны сияло гневом и торжеством. Она любила, бесконечно любила своих врагов (в отличие от меня) и наверняка считала эту минуту превосходной. Более чем превосходной!

«Интересно, чем все закончится?» – задалась я своевременным вопросом, чувствуя в душе невесомость. Да, я могла лишь повиснуть в воздухе, чтобы случайно не коснуться ни участка пола, на котором расположился Клим, ни того места, где восседала бабушка.

– Тринадцать пятьсот, – трескучим голосом произнесла Эдита Павловна. Я знала, они не станут пользоваться еле заметными знаками – они будут громко и четко произносить свою цену, потому что на войне как на войне. – Посмел-таки, щенок, – прошипела бабушка. – Что ж, не будем мелочиться. И на что только надеется? – добавила она с усмешкой.

«Вообще-то Клим надеется повесить Тафта у себя дома».

– Не знаю, – тихо произнесла я в ожидании чувства вины и ста кругов ада. Я бы солгала, если б сказала, что в этой ситуации мне удалось сохранить спокойствие, что я равнодушна и действия Клима, а также реакция бабушки меня совершенно не интересуют.

«В рай после смерти я не попаду. Это точно, – вздохнув, я заставила себя смотреть только прямо. – Страшные черти будут жарить меня на сковородке, и все благодаря Шелаеву. О, как они будут меня жарить!»

Коснувшись ожерелья, я сделала провальную попытку успокоиться.

– Четырнадцать.

– Отлично! – порадовался аукционист и с уверенной надеждой посмотрел на Эдиту Павловну.

Она кивнула:

– Четырнадцать пятьсот.

Самое лучшее, что я могла сделать, – это сосредоточиться на картине. Мне вдруг даже захотелось понять, из-за чего разгораются подобные страсти... Впрочем, они были бы равно такие же, если бы Эдита Павловна захотела купить столовую ложку или стул.

– Что он делает? – тихо спросила бабушка. – Клим вовсе не глуп и прекрасно понимает: картины ему не видать... Неужели он хочет...

– Вряд ли Шелаев желает вас обидеть, – на всякий случай выступила я с миротворческой миссией. С абсурдной миротворческой миссией.

Но Эдита Павловна, поглощенная раздумьями, меня не услышала.

Восемнадцать, девятнадцать, двадцать... Как же быстро повышалась цена, и как тихо было в зале. Все ждали развязки.

Поймав веселый взгляд Шелаева, я гордо отвернулась.

– Я знаю, чего он хочет, – сухо усмехнулась Эдита Павловна.

– Чего? – автоматически спросила я.

– Вытащить из моего кошелька побольше денег. Картина ему не нужна. Повышая цену, он... Как обычно называет подобную наглость твоя двоюродная сестра? Он «раскручивает» меня, вот как! – бабушка скривила губы, а затем бесшумно засмеялась. Серьги задрожали в ее ушах. – Да, Лера именно так бы и назвала происходящее. Что ж, мы оплатим ему той же монетой.

Наконец-то в моей голове стало светло и ясно. «Бабушка считает, что Шелаев просто хочет ее «немножко разорить», и, накрутив цену, он прекратит борьбу». Незначительный урон для семьи Ланье, но важен сам факт. То есть победителем окажется не тот, кто купил картину, а тот, кто заставил другого прилично потратиться.

– Двадцать четыре пятьсот раз, двадцать четыре пятьсот два...

Но я-то знала, Клим приехал на аукцион именно за картиной и специально выворачивает ситуацию таким образом...

– Двадцать пять, – небрежно бросил Шелаев.

Эдита Павловна вздохнула, выдохнула и расслабилась – ее мышцы больше не были напряжены, морщины на лице несколько разгладились.

– Он попадетсЯ в собственную ловушку, – еле слышно произнесла бабушка и добавила чуть громче: – Занавес нужно всегда опускать вовремя, Анастасия. Запомни это. Почти тридцать миллионов... Для Шелаева эта сумма не огромная, но он расстроится. Надеюсь, неприятный осадок останется надолго. – Бабушка кивнула аукционисту и произнесла громко: – Двадцать пять пятьсот.

Клим не производил впечатления человека, собирающегося расстроиться в ближайшее время (или еще когда-нибудь). Он рассчитывал именно на такой ход мыслей Эдиты Павловны: она отдаст ему картину, чтобы наказать. Шелаев получит Тафта! Но один момент все же усколь-

зал... Как Клим потом это объяснит и преподнесет? Что за смысл в подобном поступке, если Эдита Павловна будет считать себя победительницей?

– Двадцать шесть пятьсот, – объявил Шелаев.

– О! Тафт был бы вам признателен за такую любовь к его таланту! – наигранно воскликнул аукционист.

– Не сомневаюсь в этом, – улыбнулся Клим.

Эдита Павловна царственно повернула голову и посмотрела на Шелаева продолжительно и очень внимательно, будто пыталась понять, сколько он еще собирается вести игру. Он ей тоже улыбнулся, но сдержанно, чуть прищурившись.

– Двадцать семь, – произнесла Эдита Павловна и дотронулась кончиками пальцев до седых волос. – Еще немного, – сказала она мне.

Я все же должна была перейти на сторону бабушки (из двух зол...), но моя душа в эту минуту напоминала твердую шершавую косточку персика и отказывалась выбирать. Где-то внутри дрожала и дергалась ниточка, которую так хотелось отыскать, выдернуть и выбросить в окно. Но я подозревала, что она, как маленький упорный червячок, приползет обратно и вновь лишит меня покоя...

– Двадцать семь пятьсот.

– Двадцать девять, – сделала немыслимый рывок Эдита Павловна.

– Тридцать, – отбил Шелаев.

– Тридцать раз, тридцать два-а-а... – нарочно протянул аукционист, но бабушка отрицательно покачала головой. – Тафт «Коричневый Париж». Замечательная картина! О ней мечтают многие! Тридцать-а-а-а...

Эдита Павловна не шелохнулась.

– ...три. Продано!

По залу пронесся легкий гул голосов, скрипнули стулья, пролетел чей-то кашель... Накал спал – теперь обладатель городского мотива был известен. Наверное, многие гадали, почему непобедимая Эдита Павловна Ланье сдалась? Не в ее характере подобные поступки.

– Этот день вряд ли можно назвать плохим, – подвела итог бабушка и неторопливо поднялась со стула. – Хотя Тафт хорош, очень хорош... Тридцать миллионов. Возможно, стоило дойти до сорока, но это мелочи. – Она кивнула Шелаеву, посмотрела на «Коричневый Париж», сморщилась, будто увидела большую тарелку с нарезанными лимонами, и поплыла к выходу.

На первом этаже мы остановились около стойки администратора. Эдита Павловна взяла первую попавшуюся рекламную листовку, вынула из сумки ручку и размашисто написала на голубом фоне картинке: *«Ты глупо потратил деньги, мой мальчик. Никогда не доверяй женщинам, носящим фамилию Ланье»*.

– Передайте Климу Шелаеву, – приказным тоном произнесла бабушка и протянула листовку администратору.

Я носила фамилию Ланье, и мне тоже нельзя было доверять. На миг я почувствовала себя роковой красавицей, способной устроить дворцовый переворот. «Ты его устроишь, однажды устроишь...» – раздался в голове неведомый голос.

Мне захотелось увидеть лицо Шелаева в тот момент, когда он прочитает записку, но, увы, такой возможности у меня не было.

Он расстроится? Нет.

Засмеется? Да, наверное, да...

* * *

Мобильный телефон разрывался от смеха Симки, я даже немного отстранила его от уха, чтобы не оглохнуть. Глупо же глохнуть в восемнадцать лет.

- Так и написала?
- Да, – заверила я, удобнее устраиваясь на диване.
- Теперь я буду тебя бояться.
- Может, она имела в виду только семидесятилетних женщин по фамилии Ланье.
- Очень в этом сомневаюсь!

В который раз я подумала о том, что хорошо иметь подругу. Симке я могла рассказать не все (абсолютная откровенность мне никогда не давалась), но о непростых отношениях с Шелаевым она знала. Про разговор с Климом я бессовестно умолчала, однако битва за Тафта была изложена в красках и лицах. Симку очень развеселила записка Эдиты Павловны, и она долго не могла успокоиться.

– Я тебе завидую! По-доброму, конечно, – выдохнула подруга и пояснила: – У меня тут скука смертная, а у тебя такая бабушка и плюс враг семьи. Кстати, он на тебя обращал внимание? Ты трепетала? – Последний вопрос Симка произнесла деловито и, мне показалось, с тайной надеждой. Наверное, ее скука развеялась бы окончательно, если бы стало известно, что я по уши влюбилась в такого человека, как Клим Шелаев. Но все же за деловитостью пряталось веселье, Симка обладала уникальной способностью и в плохом находить хорошее – ее несокрушимый оптимизм мог сдвинуть горы.

«Ты трепетала?» – мысленно задала я себе вопрос, тоже перемешивая серьезность с иронией. «Ни одной секунды, – пролетел ответ. – Но понервничать пришлось».

Симка опять была готова предположить, что я нравлюсь Шелаеву, но я не дала ей повода.

– Пару раз он смотрел на меня. Весьма довольный собой. Этот человек везде чувствует себя как дома... Ничего не боится, ни о чем не волнуется. Давай не будем о нем говорить.

«Я не трепетала», – зачем-то повторила я и крепче сжала трубку, вспоминая аукцион.

– Ладно, – выпалила Симка. – Тогда давай поговорим о Тиме. Когда он приезжает?

О, эта тема была куда приятнее и интереснее...

– Послезавтра.

– Ждешь?

– Ага.

– Нервничаешь?

– Немного.

– Отлично!

Я представила, как увижу Тима, как он возьмет меня за руку и... И приняла твердое решение позвонить ему (я должна преодолеть душевный барьер, должна стать смелой). Еще немного, и мы увидимся... Мы сможем встречаться хоть каждый день!

– А что ты будешь делать, если о ваших отношениях узнает Эдита Павловна? – вопрос Симки спустил меня с небес на землю.

– Надеюсь, пока не узнает, я не хочу, чтобы у Тима были неприятности.

– А все же? Если она скажет: «Выбирай – или он, или дом Ланье»?

– Я выберу Тима.

– И уйдешь с ним куда глаза глядят? – весело спросила Симка.

– Да, – твердо ответила я.

– Ну ты даешь! Но вообще-то я не удивлена. Ты такая. Именно такая.

– Какая?

– Упертая и настоящая, – торжественно произнесла Симка.

Я лишь улыбнулась в ответ. С упертостью Эдита Павловна согласилась бы точно. К этому моему качеству она относилась двояко: иногда сильно раздражалась и даже гневалась, иногда оставалась довольной (задерживала взгляд, кивала, подчеркивала, что я Ланье). Наверное, огромное значение имело то, в какую сторону была направлена данная черта характера. «И Клим Шелаев тоже считает меня такой...»

К вечеру погода испортилась, я устроилась с книгой у окна, но не столько читала, сколько смотрела на небо, на лужи, изучала струйки дождевой воды, стекающей по стеклу. За ужином я особо ничего не ела, и к десяти часам голод дал о себе знать. Спустившись на первый этаж, я встретила Нину Филипповну и мгновенно превратилась в Шерлока Холмса.

Так. Моя тетя ушла из дома три часа назад пешком... Идет мелкий дождь, в ее руках нет зонта, синий плащ практически сухой... «Она встречалась с Брилем, – сдержала я счастливую улыбку. – И он подвез ее почти до дома».

– Добрый вечер, Настя, – произнесла Нина Филипповна, остановившись. – Кажется, я забыла снять плащ...

– Добрый вечер, – ответила я, не удивляясь ее растерянности.

– Дождь...

– Да.

Она развернулась и вышла из зала, а я отправилась в кухню, приготовила горячий чай и отрезала кусок мудреного пирога с соленым творогом и шпинатом. Мне было о чем подумать, например, о том, как быстро все меняется и переворачивается с ног на голову. Раньше Нина Филипповна была несчастна и даже не надеялась на любовь Льва Александровича Бриля, а теперь... Всего один танец, несколько минут, и она рядом с близким и дорогим человеком. Возможно, в моей жизни тоже произойдут перемены. Перемены, о которых я пока не подозреваю... «Интересно, куда Шелаев повесил «Коричневый Париж»? Наверное, на самом видном месте... Победа над Ланье». Я попыталась прогнать прочь эти мысли, но они крепко застряли в голове, и стереть их или зачеркнуть оказалось не так уж просто. А все потому, что каждой клеточкой тела я чувствовала – это не конец истории. Должен быть еще последний аккорд, и сделает его именно Клим.

Хорошенько объевшись, дочитав книгу, я после чая отправилась в библиотеку. Спать совершенно не хотелось, дом казался пустынным.

Я никого не ожидала встретить, однако комнату, заставленную шкафами, освещал не только уличный фонарь, но и настольная лампа. Она распространяла по полкам и полу сочный желто-зеленый свет и сразу притягивала внимание к себе.

Закинув ногу на ногу, в кресле сидела Кора. В одной руке она держала тонкую длинную коричневую сигарету, в другой – широкий бокал с коньяком. Бутылка с черно-золотой этикеткой стояла на краю журнального столика.

Волосы тети были собраны в высокий хвост, шею украшало ожерелье из крупного жемчуга, на длинном белом махровом халате виднелись следы пепла. Я сразу поняла, что она... м-м... выпила лишнего. Слишком насмешливым и презрительным был взгляд, слишком сильно блестели серо-голубые глаза, слишком расслабленной казалась поза.

– Анастасия, – едко протянула Кора. – Надежда дома Ланье... – Она засмеялась и втянула сигаретный дым, который по обычаю имел вишневый аромат и, наверное, такой же привкус. – Пришла за новой книгой? Все читаешь? – иронично осведомилась она. – Вряд ли этот тяжкий труд принесет тебе счастье, моя дорогая. – Кора сморщила нос и качнула ногой. – Не могу понять, что все в тебе находят... – Она фыркнула и резко потребовала: – Отвечай!

– Я пришла вернуть книгу, – просто сказала я, не сомневаясь, что тетя ждала чего-то другого. Вряд ли можно было понять, чего именно...

Но моей смерти – быстрой и мучительной она хотела уж точно.

Подойдя к нужной полке, я сунула книгу между двух других. Кора следила за каждым моим движением, и мне, честно говоря, захотелось как можно скорее уйти.

– Маленькая хитрая соплипка, – равнодушно произнесла она, оглядев меня с ног до головы. – Наверняка хочешь получить большой кусок пирога под названием «Ювелирный Дом Ланье»...

– Вы ошибаетесь, – тихо перебила я.

– Да? – Губы Кора растянулись в улыбку. – А скажи-ка, Анастасия, нет ли у тебя случайно денег? Два миллиона долларов меня бы вполне устроили. – Она помолчала, насладившись моим затянувшимся онемением, откинулась на мягкую спинку кресла и захохотала. Чем дольше Кора смеялась, тем жестче становился ее смех. У меня в ушах сначала зазвенело, а потом зашумело. Встретившись со мной взглядом, Кора гневно швырнула бокал в стену (осколки полетели во все стороны) и гневно крикнула: – Убирайся отсюда! Немедленно!

Библиотеку я покинула с огромным облегчением, гадая, как у Эдиты Павловны могли родиться настолько разные дочери.

Глава четвертая

Почетный гость и свидание с Тимом

Во вторник я мужественно взяла мобильный телефон и набрала номер Тима.

В среду с раннего утра я усиленно ждала его возвращения – наконец-то ремонт в загородном доме Эдиты Павловны закончился!

Открылась дверь, и он шагнул в зал. Мне стоило огромных усилий не сорваться с места и не броситься ему навстречу (пришлось покрепче вцепиться в перила, чтобы не совершить этот безумный, опрометчивый поступок). Нет, больше никого поблизости не было, но это не имело значения – в доме Ланье у стен наверняка есть большие уши и не менее большие глаза...

Я стояла на предпоследней ступеньке лестницы, изображая гордую принцессу, и смотрела на Тима. Уголки губ несколько раз дрогнули, и я все же улыбнулась до ушей, демонстрируя искреннюю радость. Теперь наши встречи станут частыми, и, наверное, мы будем целоваться... Почему бы нет? «И-и-и... почему бы не поцеловаться прямо сейчас?» Подавив приступ смеха, я поймала взгляд Тима. Он сделал еще несколько шагов и остановился напротив меня. Он был совсем рядом.

– Привет, Ланье. – Тим улыбнулся мягко, протянул руку, и наши пальцы переплелись.

Я бы сейчас прижалась к нему, положила руки на широкие плечи... Насколько же становится легче и спокойнее, когда он рядом... Мне не нужно воевать с ним, не нужно ничего доказывать, Тим знает, что в душе я угловатый богомол, которым, наверное, останусь навсегда. «Он мое спасение. Замечательное спасение...»

– Иди, – тихо сказала я, – скорее иди к себе.

И стала представлять, как Тим сначала поднимется на второй этаж, затем на третий, шагнет в свою комнату, небрежно бросит рюкзак на пол... Наконец-то мое одиночество в доме Ланье закончилось!

Тим встал на мою ступеньку, и наши плечи соприкоснулись. Мы стояли в линейку, только смотрели в разные стороны.

– Пойдем со мной, – весело предложил он. – Третий этаж не очень высоко, ты не устанешь идти.

Я понимала: Тим шутит, но к нашему непростому положению мы могли относиться только так – с долей иронии. Лучше даже не представлять лицо Эдиты Павловны в момент, когда она увидела бы нас, держащихся за руки, устремляющихся вверх...

– М-м... как-нибудь в другой раз, – сказала я.

Тим наклонил голову, и светлая прядь волос съехала на его лоб. Каким красивым и необыкновенным он показался мне. А еще – долгожданным, если, конечно, можно употребить это слово в данном случае. Я вдруг остро ощутила разницу в возрасте – пять лет, и она мне понравилась. Тим старше, сильнее.

– Ты уверена? – он широко улыбнулся.

– Иди быстрее, – прошипела я и быстро высвободила руку.

Он начал неторопливо подниматься по лестнице, а я закрыла глаза и так простояла почти минуту. Конечно, Тим целыми днями будет мотаться по Москве, выполняя бабушкины поручения, но это ерунда, главное – он рядом.

* * *

Теперь минуты казались особенно длинными, и, если бы не болтовня с Симкой по телефону, до обеда я бы не дотянула (умерла на радость Коре во цвете лет). К моему душевному

состоянию хорошо подходило только одно определение – болезненное. Я боялась выйти из дома, чтобы не пропустить появление Тима, и в то же время совершенно не могла усидеть на месте. «Ты теперь чокнешься!» – радостно пообещала Симка, и это меня почему-то успокоило.

Еще половина июля, затем август, и только потом начнется учеба в университете, которая избавит меня от такого огромного количества свободного времени, отвлечет и заполнит мозг важными, полезными вещами... Я уговаривала себя, смотрела на часы, вынимала из ящика прикроватной тумбочки малахит, вертела его в руках, убирала обратно. Я и не предполагала, что способна сойти с ума в одно мгновение.

Мобильник загудел, и я не поверила собственным глазам – звонил Тим.

– Привет.

– Привет. Зря ты не пошла со мной... На третьем этаже ужасно скучно, – он замолчал, и я почувствовала себя самой счастливой на свете.

– Должна тебе сказать, на втором этаже тоже скука смертная.

– Я так и думал. – Он наверняка улыбался!

– Тебя уже завалили работой?

– Да.

Мы поболтали минут пять, а затем попрощались, договорившись встретиться на какой-нибудь другой территории (как только появится возможность). Я надеялась, свидание случится уже этим вечером, и дальше время уже не тянулось, оно безнадежно остановилось.

– Анастасия, – раздался холодный голос Эдиты Павловны. – Чем ты занимаешься?

Бабушка стояла на пороге комнаты и внимательно смотрела на меня. Наверное, мой вид (я просто сидела на кровати, мечтала и не шевелилась) вызвал у нее недоумение.

– Ничем, – я пожала плечами, встала, выпрямилась и отметила, что Эдита Павловна одета как на светский прием. Темно-синее прямое платье с белоснежным воротником и иссиня-черные бусы из неровных крупных камней делали ее торжественной и строгой. Наряды Эдиты Павловны всегда были безупречны, хотя некоторые мне совсем не нравились.

Если бы бабушка узнала, о чем я думала и мечтала... Наверное, она бы испытала гневный шок, и цвет ее лица сравнялся бы с цветом платья.

– У нас сегодня гости, – произнесла Эдита Павловна и сухо улыбнулась. – Пожалуйста, надень что-нибудь светлое и приведи в порядок волосы. Анастасия, ты должна следить за своей внешностью, если не ошибаюсь, я говорила об этом неоднократно. – Эдита Павловна зашла в комнату и задумчиво нахмурилась. – У тебя бледный вид, ты совершенно не выходишь на улицу. Тебе нужно гулять.

Что-то таилось за этой заботой, но пока загадку не удавалось разгадать. Гости? В дом Ланье они часто приезжали, и это известие меня не сильно заинтересовало. Я не очень-то любила обедать в обществе бабушкиных знакомых, но пока еще не научилась избегать таких встреч. Увиливать хорошо получалось у Валерии. Наверное, это было то единственное, чему мне следовало у нее научиться.

– Хорошо, буду гулять, – легко согласилась я, представляя, как иду по улице за руку с Тимом. – Да, я точно начну гулять в самое ближайшее время.

Я остановила себя, чтобы не кивнуть сто раз подряд.

– Так какое платье ты выберешь? – спросила Эдита Павловна почти равнодушно.

– Серое.

– Ты слишком часто его надеваешь.

– Оно приличное.

– Приличное, – фыркнула бабушка и посмотрела на меня с интересом в глазах, словно увидела впервые. Темными тучами и светлыми облаками был наполнен ее пристальный взгляд. – Пожалуйста, надень бирюзовое.

– Хорошо.

Мне, по сути, было все равно, какое платье надеть. К бирюзовому я относилась вполне терпимо.

– Анастасия, ты совсем не носишь украшения, а между тем ты имеешь прямое отношение к Ювелирному Дому Ланье. Такое равнодушие недопустимо. Я не должна объяснять подобных вещей – они естественны и понятны. И я не должна напоминать...

– Они неудобные. Мешаются.

– Дело привычки. Если бы ты знала, Анастасия, сколько неудобств я претерпела в своей жизни, чтобы добиться соответствующего положения. Заметь, я не требую от тебя ничего сверхсложного. – Эдита Павловна многозначительно приподняла брови, развернулась и неторопливо направилась к двери. – Надень кольцо-цветок, и не будем спорить по этому поводу. Надеюсь, ты меня не разочаруешь.

Кольцо-цветок? Дверь плавно закрылась, а я медленно опустилась на кровать, автоматически выдвинула нижний ящик тумбочки и достала серебристый футляр.

Подарок Шелаева.

Если, конечно, предмет сделки может так называться.

Но бабушка об этом не знает, иначе уже давно бы отправила его в доменную печь. Она бы купила печь, поставила во дворе и швырнула кольцо в жар огня, чтобы наверняка быть уверенной – цветок расплавился, погиб, исчез с лица земли. Клим предложил мне сделку, а я согласилась ради Нины Филипповны, и кольцо теперь у меня. Вот только бабушка полагает, что мне его по случаю знакомства преподнес Максим Матвеев...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.